

Сергеев Сергей Михайлович (1901 – 1979)

ДНЕВНИК. 1941-1942

За честь и судьбу родины я не боюсь,
а если над ней и стряслась беда, то
как-нибудь ее переможем.
(А. Толстой)

41 год. Июнь.

Война - ужасное слово.

Все стало иным – заботы о повседневной жизни, мирном бытии потеряли свою ценность и смысл. Неумолимо, беспощадно жестокая смерть владеет сердцами и поступками людей. Сама жизнь стала игрой, лотереей. Под гроыхающим дыханием войны люди сгорают и гаснут, а на смену им идут другие, гонимые злой необходимостью.

В войне, в этом великом и страшном деле нужно чувствовать себя частицей единого мира (*сверху другими чернилами – частицей единой семьи, нашего народа*), нужно сознавать, и не забывать, что (вся) родина с тобой.

«Тяжесть военной службы тяжелей горы, смерть легче пуха, а поэтому будь храбр» (Так поучает древняя японская пословица)

Ничего не остается делать, как влезть в хомут войны и следовать древней мудрости, хотя и чужой.

Я проводил Н¹., мы не говорили о будущем, так загадочно представлявшемся нам, и простились, обнялись, пожали друг другу руки, немного ошалевшие от свалившейся беды и от расставания, которое неизвестно, что принесет.

¹ Надежда Дмитриевна Сергеева-Слепнёва (1905 – 1980-?) - первая жена С.М. Сергеева. Состояли в браке с 1923 года до 1940 года. Официально разведены в 1945 году.

Горячий Июль. Севастополь.

Я ощутил на собственной шкуре лапу безносого страшилища бога войны (Muerto).

Ясный теплый день, ласковое море, невинная лазурь неба. По солнечной дорожке миноносец «Быстрый»² выбежал из ворот гавани и устремился в сияющий простор. Одно мгновение – и весь радужный красивый мир померк в глазах, обратился в тьму, в Ничто. В том месте, где только что бежал корабль, с торжествующим тяжким громом вырвался вулкан огня, дыма и обломков. И клубы пара заволокли белым саваном корабль.

Это был конец для миноносца «Быстрый».

Конец для сотни людей, но не для меня.

В центре хаоса исковерканного железа, на горящем корабле я оставался живым. Слепленный и оглушенный, я пытался командовать. Команды мои уже были ни к чему, мертвые не слышат, живые, окровавленные моряки поражены тяжелым шоком – они смотрят невидящими глазами, им уже все безразлично, люди перестали быть бойцами и обратились в живое воплощение застывшего ужаса, вопля, в страдающую человеческую плоть.

В одиночестве я совершаю последний прощальный ритуал капитана: я не должен дать тонущему кораблю завалить собой фарватер и увлечь на дно моря живых и мертвых бойцов, и....

Мне это удалось.

Прощайте, товарищи, прощай, корабль.

Перед отъездом на крейсер «А. Микоян», я посетил госпиталь, я хотел повидать и проститься со своими страдающими боевыми товарищами по несчастью с миноносца «Быстрый». И с первого взгляда у меня явились странные мысли и сравнения. Честное Слово, в бою полный тревоги и опасности живой человек должен чувствовать себя много увереннее и лучше, чем в этом доме метущихся человеческих страданий и беспомощных чаяний и надежд.

Чорт знает, что!

Неужто же судьба так изуверски оскорбительно калечит людей?!

² После правительственной командировки в Испанию С.М. Сергеев был назначен командиром 2 дивизиона миноносцев и одновременно он исполнял обязанности командира бригады миноносцев Черноморского флота.

В 1941 году адмирал Октябрьский Ф.С. поручил Сергееву С.М. временно вступить в командование эскадренным миноносцем «Быстрый» и отвести его в Николаев на ремонт. 26 июля 1941 года миноносец «Быстрый» вышел из Южной бухты Севастополя, при проходе первой линии бонов (глубина 14-16 м) раздался мощный взрыв донной мины, сброшенной немецким самолетом, корабль подбросило вверх и вправо.

В результате взрыва 24 человека из экипажа сразу погибли, а 81 оказались ранеными, то есть мгновенно была потеряна половина экипажа.

Капитан С.М. Сергеев «получил сильную общую контузию».

Раненые мои люди – все тяжелые. И мое посещение им не принесло – ни облегчения, ни радости.

Вот, я вижу - у одной из кроватей три женщины в белом что-то делают, в руках у них никелированные инструменты - железки. Они очень внимательно смотрят в лицо лежащего пластом человека, мне знакомо это лицо, но я не могу вспомнить имени этого белобрысого - белокурого мальчика.

Все понятно и все ясно - в этом юноше жизнь быстро угасает, отливает от сердца, чтобы влиться в море неумолимого бесконечного времени.

Лучше уж уйти, и я ушел. Опечаленный, я сам себе задал вопрос: «Какова же моя судьба?» «Как знать, что не знаешь» - так отвечает на этот вопрос французская пословица.

Август. Николаев. Вот и мой крейсер «Микоян» показался из-за угла эллинга. (нидерл. helling) — сооружение для постройки или ремонта). На нем мне предстоит совершать боевые дела. Повезет ли? Какая мне уготована планида, улыбнется ли военное счастье мне и моему экипажу и этому славному железному кабальеро. Внешность его мне нравится. Он не угрюм. Вид крейсера внушительный и упрямый, как следует иметь линейному арктическому богатырю, и в то же время физиономия его добродушная, у него есть неуловимое сходство со слоном.

Только моряк, истый фанатик моря, может различать лица и повадки кораблей. Каждый корабль имеет свою неповторимую физиономию.

Хотя железо не одушевлено и не может чувствовать, все же железный кавалер видит своего капитана, который грядет к нему, а вернее ковыляет на трех ногах: Что же это такое! Боже мой! Этот богатырь еще младенец и не вышел из пеленок лесов, корабль все еще достраивается и вооружается. Я пугаюсь за него, хватит ли времени все закончить и успеть до прихода фронта на линию Николаева увести крейсер в море.

Поднялся по трапу, команда встречает меня недоуменными взглядами. Бойцы знают меня только по слухам, и у них создались свои представления о своем будущем капитане Сергееве как об опытном вояке, они хотели видеть орла.

И то, что они увидели, разочаровало их. На палубу корабля вступил совсем больной, непрерывно кашляющий перхающий человек, худой, бледный и согбенный, хромающий на обе ноги. Одним словом, на палубу вскарабкался ободранный волк без жилетки.

И как мне не быть таким, если теряю кровь ежедневно, я отплеываюсь кровью, и в моей моче кровь.

Табак, брат, мои дела! Табак!

Принятое крещение войны даром не прошло. И воистину мне очень тяжело, у меня мало сил и много предстоящих дел, а я недомогаю.

Ну, ничего, поскрипим – поживем – увидим!

Фронт не держит. Все и вся стремительно бежит, несется на восток. Все в дыму, сплошной кабак, город Николаев доживает последние дни, все ходят немного обалделые и ошалелые, с настороженным страхом в глазах. При первом рокоте моторов люди испуганно задирают головы к небу и моментально исчезают из поля зрения.

Чертова немецкая авиация не дает никакой возможности закончить вооружение корабля.

Странные слухи подтверждаются: колонны немецких танков на разъезде Водопой – это же почти Николаев! А город на дороге на Херсон.

День и ночь понуро идут отступающие части Красной Армии и убитые горем и страхом измученные беженцы с детьми и поклажей. Гонят скот. Вся эта живая масса кричит и плачет человеческими и звериными голосами. Этот разноголосый хор живых существ покрывается грохотом взрывов.

Все это хорошо видно нам с мостика.

Нам нет никакого дела до этого столпотворения. Нет эмоций: у нас свои неотложные задачи и свой долг перед этой бегущей толпой.

Ну, держись, сукин сын, Сергей Михайлович, превозмогай свою немощь – болеть некогда!

Пока у нас все идет, как надо, мне удастся уходить от ударов с воздуха. Корабль не стоит на месте, - насколько возможно, после каждого налета немецкой авиации я меняю место в порту, играю в прятки.

Слон мой удивительно послушный, чувствует, подлец, руку своего хозяина.

Пока такие средства помогают, приобрел я этот маневр в Испании.

Хорошо, и я собой доволен. Настроение у меня сейчас отличное, бодрое. Рабочие и матросы творят чудеса, работа кипит. Строитель т. Рябцев превзошел себя. И общими усилиями закончили вооружение корабля в два дня, опередили график.

Душевное спасибо всем.

Теперь вперед на свободную соленую воду, в море!

Перед выходом. Николаев.

Я говорил со своими бойцами. О чем говорил? – я не помню, но во всяком случае, мой язык – их язык, вместо точек – соленые слова. Не кривил душой и не говорил им ненужных успокоительных слов. Войну изобразил им так, как она есть. Где хлеб, там и крошки, где бой, там и жертвы. От души предлагал свое сердце взамен их сердец. Один за всех – и все за одного.

О, мои друзья и кавальеры, они очень хорошо поняли меня.

Грубый военный народ смотрел упоенно и слушал – ловил каждое слово. Это было для них явление сакральное, во всяком случае, необычное, и был положен конец всяким сомнениям – перспектива плавать и сражаться на тихоходном большом корабле их больше уже не пугала и не волновала.

Не экипажу здесь делали смотр, здесь залучались сердца вояк для будущих боев.

И мы породнились в единой семье «Микоянцев».

С кораблем мы вырвались из Николаева в ночь, как из печи огненной. В городе и в порту все клоочет и гремит от звериной сильной бомбежки. Все живое попряталось под землю, оплакивая свою судьбу. Николаев умирал, немец наступал на город.

Как мне удалось выскочить и пройти по узкой канавке фарватера реки в темноте, и сам диву даюсь. Похоже на то, как в самую последнюю минуту из горящего дома в окно выпрыгивает человек без штанов, и в тот же момент крыша и стропила обрушиваются внутрь.

Ничего, слава нам, слава моим молодцам. Мы в штанах и лихо сиганули.

Теперь крейсер в морском просторе – голый рукой не возьмешь!

Наш мирный лежебока из домашнего животного превратился в боевого слона и стал колючий, как ежик.

Хотя вид его, скажем просто, грязен, но это пустяк, придем в Севастополь помоем, подкрасим, закрутим усы и будет гусар. То есть приведем его в божий вид, будет он настоящий боевой корабль.

Экипаж корабля – дикое смешение народов. Помимо моей команды, на борту более 1000 человек рабочих. Теснота ужасная. Настоящий Ноев ковчег. Я же на роли библейского первого Морехода, то есть – хожу по мостику, горд и ослеплен своим величием. Неторопливо озираю палубу корабля со всем верноподданным мне населением.

Люди снизу-вверх с надеждой смотрят на меня, на мостик. И мне кажется, что вероятно так и смотрели Иудеи на своего Мессию во время исхода их из Египта.

Ага! Чувствуете! Пойте гимны!

Моисей Чермное море сам перешел – нас перевел.

Впрочем, милостиво я разрешил не петь гимнов; Но вот сейчас мы сами запоем и возвестим в горных - «Боевая тревога».

И по этому сигналу весь рабочий люд уберется под палубы вниз. Наверху у пушек останутся воины, матросы. Лишних людей не надо, кто не занят боевым делом, самый опасный человек, самая большая помеха в браке, в Свадьбе.

Пора! И боевая тревога гремит по кораблю.

Я получил от штаба флота шифровку с информацией предупреждения – «Самолеты-торпедоносцы противника у Тарханкута» (Мыс на Западе Крыма). Мой путь как раз на этот мыс. Было бы нестерпимо обидно быть потопленному второй раз. Нет, этого не переживу, сердце не выдержит.

В неясном холодном сумраке ночи слышим могучий гул моторов. Самолетов не видим, но вот из черноты, с юга зазмеились на воде две серебристые полоски, след двух торпед. С мостика и с батареей корабля бойцы все хорошо видят и чувствуют, что это значит. И, как замороженные, с трепещущей душой следят за быстрым приближением серебряных змей с белыми головами. Торпеды мчались с кормы в правый борт.

Эге, Сергей Михайлович, не зевай, спокойно: «Лево на борт».

Проходит минута, вторая – и все хорошо.

Я ликую в душе, и мне сладостен гул облегчения, вырвавшийся из глоток бойцов. Торпеды пронеслись с права по носу и скрылись в тьме ночи. Нам не надо торпед. Уж как-нибудь обойдемся без них.

Розовое небо. Раннее утро. Город Севастополь и бухта в легкой дымке.

Ноев Ковчег со всем своим населением подгребают к Главной базе. Высоко в небе над головой кружатся самолеты – наши и немецкие. Они стрекочут из пулеметов, кувыркаются, но, тем не менее, никто не падает на землю. Это ведется один из пресловутых многочисленных воздушных боев.

Нам снизу кажется вся эта карусель несерьезным делом, забавой, баловством. Покрутятся, выпалют все свои патроны и разбегутся по своим аэродромам.

И все! Знакомые картинки! Сколько я видел их в Испании³.

Корабль подходит к воротам гавани. Справа от оси фарватера, из воды торчит черное обгорелое железо – страшные останки миноносца «Быстрый!»⁴ Душа немного замирает, воспоминания еще слишком свежи.

Снимаю фуражку, приветствую покойника.

Лицо города и порта изменилось – все выглядит немного мрачно.

Корабли имеют вид сумрачный и задумчивый – Война!!!

Дом, в котором я жил до войны, стоит угрюмый и смотрит пустыми глазницами разбитых окон. К шутам, не пойду на старое пепелище.

Никак не могу отоспаться, как следует. Беспокойно сплю – тревоги донимают. И место стоянки корабля проклятое – «Килен площадка» (Килен-бухта в Севастополе), - полна взрывчатых веществ. Немецкие авианалеты бывают каждую ночь. Бомбят, мерзавцы.

Влепят в «килен площадку», и корабль в воздух взлетит.

Настроение мерзкое.

Начальство соизволило посетить мой корабль. Выразило удовлетворение тем, что у меня много орудий – «Сила».

Но осталось в недоумении, а именно – «Как же я на этой «бандуре» буду воевать? Ход, детский ход – 12 узлов. Осадка - ширина линкора. Корабль большой, а защиты бронированной нет никакой. Один снаряд - и к чертям собачьим летит мостик со всем его содержимым за борт».

Я оскорблен за вверенный мне корабль. Неужели не понятно, кто хочет воевать, а не бегать, будет воевать. Ход 12 узлов – отличная скорость. Защита

³ С мая 1937 года по февраль 1939 года С.М. Сергеев был в Особой Правительственной Командировке в Испании.

Под именем Дон Корнели Гуардия Лопес Сергеев С.М. был советником командира эсминца «Гравина», советником начальника штаба дивизионных миноносцев Испанской Республики, командовал флотилией республиканских эскадренных миноносцев.

«В мае 1937 г. перегнал Испанский транспорт «Cabo Santo Tome» из Черного моря в Средиземное, в порт Картахену, со специальным особым грузом 22000 тонн (оружие для испанской республики из СССР).

С приходом в Испанию получил назначение в Республиканский военно-морской флот на должность командира 2 флотилии эскадренных миноносцев. В этой должности с флотилией участвовал во всех боях с фашистским флотом Франко на море в районах Валенсии, Барселоны, Маон, Алжир, Оран. За время службы во 2-ой флотилии эскадренных миноносцев в конвое и ночных поисках противника наплавал более 60 000 миль» (из автобиографии Сергеева С.М.)

⁴ Смотри сноску №2

бронирование – ее нет на корабле, и откуда взять – и где время на установку. Зато я имею добротные пушки и умение моих кавальеров-бойцов, помноженное на умение их капитана.

Котлы? – Да, согласен, дрянь, они не хуже бомбы могут взорваться. Механики уже подсчитали и говорят, что сила взрыва огнетрубного котла равна одной полутонной бомбе.

О! вот же черти, замечательно, вполне успокоили! Вот, право, чудачки, понимать же надо, какой же дурак будет подсовывать свои котлы под снаряды и бомбы противника! А маневр и огонь для чего существует? Ох, уж мне эти механики!

Все пустое – есть у меня защита брони или ее нет, все равно корабль будет послан в бой.

«Что наша жизнь? – Игра! Сегодня ты, а завтра я». Нравится мне эта ария из «Пиковой дамы». И с удовольствием слушаю эту пластинку на корабле. Успокаивает⁵.

Получил боевой приказ идти в Одессу. Забрал и загрузил в погреба несколько тысяч снарядов.

Хе! Пусть какой-нибудь другой корабль сумеет упрятать в свою утробу такой боекомплект.

Пушкари яростно драят и готовят артиллерию к огневому делу. Постреляем всласть по Фрицам, довольно они нас пугали в Николаеве, наша очередь настала.

Завтра в море, а сегодня вечерком хватим водки чарку.

«Любо вам, братцы, любо

С капитаном по морю ходить»

(4 сентября 41 г. Севастополь)

⁵ На борту корабля «Анастас Микоян» были:

- пластинка П. И. Чайковский опера «Пиковая дама» (видимо, были и другие пластинки).

- Сочинения Мигеля Сервантеса

- М.Ю. Лермонтов «Избранное»

- А.П. Чехов, Л.Н. Толстой.

- икона «Семистрельная». Икона была талисманом Эдварда Хансона, об этом свидетельствует Н. Кузов в своих воспоминаниях. После того, как корабль пришёл в Хайфу, Н. Кузов хотел выменять эту икону у Эдварда Хансона на спирт, но Хансон сказал, что это «его личный амулет, пока икона с ним, бояться нечего». (Эдвард Хансон - британский офицер связи с командованием Королевских Британских ВМС, старший лейтенант, был прикомандирован Британским командованием на корабль «Анастас Микоян» в Стамбуле – смотри сноску № 21).

Проклятие! штабным недорослям, оперативным младенцам! Ну, не дубы ли стоеросовые? Чорт знает что! Завалили минами все подходы к Одессе, настроили минных заборов, и тем самым закрыли для своего флота свободный подход к фронту. Изволь теперь ползти на пузе по узкому рукавчику фарватера: справа мель, слева мины, а под килем пол-литра воды. Над головой немецкая авиация. Аэродром неметчины рядом, в Очакове, и сам Очаков в руках противника.

Эх, вы, бумажные тигры, сидите под землей, за бумагой живой жизни не видите.

Весьма скверно.

Перед нашими изумленными взорами развернулась потрясающая панорама обороны Одессы.

На огромном фоне трепещущего огненного зарева, освещающего почти половину небесной сферы, ярко оранжевые бешено перебегающие сполохи по всему фронту взрывов и выстрелов тысячи орудий, молнии снарядных трасс в кровавом небе создают видение фантастическое, дикое, почти нереальное. Громы взрывов и орудийных выстрелов сливаются в единый устрашающий гул. Воздух дрожит, сотрясается и наполнен воем, скрежетом и громовыми раскатами.

Страшно! от этого могучего дыхания войны.

Мои друзья и боевые товарищи, крепче стиснем зубы, чтобы не стучали. Не думая ни о чем, без оглядки назад, нырнем в этот бушующий кипящий котел огня.

И мы нырнули с головой в это варево смерти.

Надо быть там, в огне под Одессой, чтобы действительно все понять и прочувствовать на себе весь ужас беспощадной свирепости боев, побывать в кровавых свалках людей и проникнуться уважением Величию и мужеству человеческого Духа.

14 сутки. Сентябрь. Одесса.

Мы еще варимся в огне Одесского котла. Нас каждый день нещадно молотят со всех сторон с воздуха. Крейсер «Микоян» - «микояновцы» - не остаются в долгу. Гремят день и ночь орудия, всем боезапасом свирепо хлещем по берегу.

Все, что можно сказать об Одессе, все сказано.

Корабль, мои славные бойцы слишком маленькие в сравнении с тем, что делается на берегу.

- Смелей, смелей, братцы! Под бомбами прыгай и пушками орудий орудуй веселей!

Перенапряжение всех сил, и все время без сна вызвали у меня неудержимую рвоту – я не могу ни пить, ни кушать.

Бодришься и борись, волчище!

Смертельная усталость валит всех нас с ног. Я по нескольку раз в ночь бываю у каждого орудия, в кочегарках, в машинных отделениях – и вижу неизменно одно и то же – свинцовую усталость людей. Держитесь, друзья, еще немного. Все, что мы могли, сделали, и к нам нет претензий «фронта».

Нас благодарят, и все нас просят еще немножечко помочь.

Поможем, товарищи, поможем.

Однако снаряды, топливо, вода не исходе. Мы будем принуждены уйти в базу. Да, пора.

29 сентября. Севастополь

Наконец-то я отоспался. Спал не менее 30 часов, а бодрости в теле нет. На душе пусто и очень скучно.

Ничего, пройдет.

Многие командиры, которые еще не были под Одессой, расспрашивают меня, как я воевал на своем тихоходе.

Я отвечаю, что очень просто – «Вправо, влево и вперед. Огонь всем бортом и отскок. И снова все это повторяю так, как требует война».

Смеются. Ха! И я смеюсь. Поржали.

И здесь, в Севастополе, в базе, корабли не имеют отдыха. Немецкая авиация каждую ночь и по нескольку раз делает налеты. Ущербу мало, грохоту много. Весьма. Приходят не радостные вести с Турецкого вала, Крым под угрозой. Армия и тут не держит.

Неужели возможна вторая оборона Севастополя с суши, очень похоже, что так. Богопротивно!

Возвращаясь из штаба, проходил на катере мимо своего бывшего дивизиона миноносцев. Вот они, голубчики толстотрубные, все на лицо, кроме шестого, покойника «Быстрого».⁶

Видю на палубе миноносца «Бодрый» кто-то иступлено машет мне рукой.

⁶ Смотри сноску №2

Ба! Да это Митин, командир миноносца «Бодрого».

Подхожу и получаю одновременно упреки и приглашение.

Упрекает он меня за то, что ни разу не зашел на свой бывший дивизион и не «уважил» своим посещением когорту своих питомцев.

Ну, как не зайти? Кажется, все в порядке, «Микоян» грузит уголь, и обстановка позволяет.

Командую: «Старшина, подойти к пристани».

Меня радостно встречают все пять командиров во главе с комдивом Пермским, и лезут целоваться.

Что-то уж очень радостны они.

Всматриваюсь и слегка повожу носом.

Эге! Братцы, вы уже того 'сь! На малом ходу, в четверть свиста пребываете!

Встреча произошла, и все дружно зашагали на миноносец «Бодрый!».

А спустя минуту пир возобновился и заклокотал, как вулкан.

Новые силы в лице меня и Начальника П.О.⁷ с миноносцев влились в компанию.

Энтузиазм накалился до белого каления.

В каюте командира духотища и дымище. Воздух столь плотен, что кажется, подпрыгни вверх, а обратно не упадешь и будешь плавать в клубах табачного дыма, как щепка по волнам. Себя мы плохо видим, головы наши, как вершины гор, скрыты в облаках дыма.

Это обстоятельство нам нисколько не мешает вести бесконечную беседу, то есть заниматься «морской травлей». Выискиваем веселые эпизоды из морской жизни, из недавних прошлых боев. Все дружно героически хвастаем и беспощадно врем «в общую кассу», не забывая опрокидывать стаканчики с бодрящими тостами.

По мере того, как число опрокинутых стопок росло, в геометрической прогрессии росла, цвела и распустилась пышным цветом богатейшая фантазия. Вранье достигло невероятных размеров и, наконец, сами участники пира почувствовали гигантский размах вранья и были потрясены всеми чудовищными рассказами.

И в самый разгар веселья – вдруг! врезался басовитый гудок воздушной тревоги.

«Шабаш, товарищи командиры, беглым шагом по кораблям».

Все сорвались со своих мест и, как стадо быков, ринулись к двери, громко топоча ногами. Процессия еще не успела пройти коридорчик, как получился затор, и сразу несколько голосов заревело: «Ложная тревога, полный назад!»

И действительно тревога оказалась ложной.

Маленький, всем известный на Черноморском флоте буксир, по имени «Гостомысл», эта древняя водоплавающая посуда, существующая чуть ли не

⁷ П.О.- политический отдел

с первой Севастопольской обороны времен Нахимова, обладает адским гудком. И этот буксирьшко, проходя мимо миноносцев, взвыл своей немислимой лядской глоткой.

«Сукин сын – сто чертей ему в глотку» - нарушил наш стройный налаженный ход винопития.

Но, тем не менее, время приближается к ночи, и не исключена возможность настоящей воздушной тревоги.

Времени мало, водки много. Всю не перепьешь, а постараться надо.

Вперед, братцы, вперед, на одоление зеленого змия!

Предложено пристрелку прекратить и перейти на поражение всем бортом.

Наливаем, друзья, поднимем бокалы!

Команда: «Правый борт, г'товсь – залп!» - и все враз влили в глотки по единому стаканчику.

Замечательно! Отлично!

Дальше следует команда: «Орудия на левый борт, наливай, левый борт, г'товсь – залп!» - и все лихо хватили по второму.

«Орудия прямо по носу. Наливай – залп!» - дружно пропустили по третьему.

Потом выпалили по кормовым курсовым углам – и все отчаянно крякнули.

Затем пальнули в зенит и горько покачали головами.

В завершение закончили салютом за всех присутствующих, трахнули по последней и на этом закончили парад – «Дробь, отбой!».

После чего разъехались по кораблям.

Зело здорово выпили – до изумления!

(Севастополь. Сентябрь)

Человек тот, который делает неразумные поступки, дурак. Разумеется, я «круглый болван».

Вчерашняя звериная попойка не прошла даром. В груди что-то переливается, и в мокроте появилась кровь, и почки дают себя знать.

Не одобряю себя, дурака.

Одесский огненный котел сжег своих защитников. Фронта нет, он умер. Об Одессе уже больше не говорят, она перестала быть нашей - до лучших будущих времен. Знаю! Верю!

Остались тяжелые героические воспоминания и тысячи мучеников в госпиталях, живых свидетелей былой славы.

Крымский фронт рухнул, как легкий заборчик. Немец прет на Севастополь.

Нет уже никакого сомнения в том, что вскорости в Севастополе и вокруг него вспыхнет огненное кольцо, и заклоочет смертельное вареву.

Злость. И обидно. (Зло и обидно)

Мотаюсь в море между Севастополем и Новороссийском. Всякое добришко военное на спине своего слона таскаю подальше от огня. Хожу один, как всегда, никаких охранений. Начальство совершенно убеждено в том, что мой корабль и я сам заговорены от всяких авионосов и подлодок противника. Да мне и не нужно никаких охранений. Ради бога увольте от этих ледащих катеришек. Возись с ним, с этим охранением, как черт с младенцем. Я иду подальше в море, а у катера топлива не хватит. Вот тебе и охранение. Нет. Нет, не надо. Я уж как-нибудь сам охраню себя. Хожу далеко вне видимости берегов и никаких встреч с самолетами, с подлодками противника не происходит. Противник сидит и сторожит там у крымского берега, на большой корабельной дороге. Нисколько не удивляюсь, что там часто топят корабли. На ловца и зверь бежит.

На рейде Севастополя пусто. Так называемое «боевое ядро флота» испарилось, как дым. Удрали жуки на Кавказское побережье.

Над бухтой немецкая авиация висит и кружит в хороводе с нашими истребителями день и ночь. Стоянка очень беспокойная. Того и гляди всадят бомбы в корабль. Позор, в конюшне потопить могут.

Приказано перебазироваться в Новороссийск и там остаться до особого приказа.

Дело сделано, стою в Новороссийске, а немецкая авиация и здесь покоя нам не дает и тревожит. Налетают каждую ночь. Это уже никуда не годится. Микояновцы остервенились ужасно, при налетах лупят так отчаянно из орудий, что удачно создается завеса огня. Оглушаем город. Жители не в обиде, но зато рассеиваем самолеты противника и не даем бомбить себя.

Применяю проверенную боевым опытом тактику, часто меняю места.

Все пока идет благополучно. На крейсере «Микоян», кажется, на единственном корабле Черноморского Флота, нет жертв и раненых. Мне бы очень хотелось сохранить до конца войны жизнь и здоровье матросов – молодцов.

В руках людей прекрасные явления часто становятся уродливыми.

Видимо, я не исключение.

Чем дальше по времени я ухожу от пережитого, моя «Надежда»⁸ становится будничной и тускнеет. Я чувствую, что теряю к ней живой интерес.

⁸ Смотри сноску № 1

Часто, вспоминая нашу жизнь после моего приезда из Испании⁹, мои признания и последовавшие за ними мерзкие ссоры, я вспоминаю и унижительные примирения.

Вот лишнее свидетельство того, что я своей прямолинейностью лишил себя благоразумия и окончательно разрушил то, что еще теплилось в груди.

Как вспомнишь все, то на душе становится нехорошо и мучительно стыдно за себя и за нее, и за все прошлое.

Нет, мне не хочется видеть ее, и я, без сожаления о прошедшем, воюю, хожу в походы, и будущая неизвестность меня не тревожит. Но я откровенно боюсь, что когда окончится война, и, если я останусь жив, то снова передо мной встанет враг, страшнее кровавых свалок войны. Беззвучный и безликий враг, против которого нет и не может быть оружия – Скука, Скука тела и души. И я уже не раз испытал эту скуку в об’ятках Н.

Да! ... прежде я никогда так не думал. Неужели я такой же пошляк, как и большинство нашего брата – рыцаря. Всем своим существом и разумом противлюсь этому знанию жизни, и мне не хочется быть причастному к лику пошлости.

(Новороссийск. Октябрь)

Был на вечеринке. Нас было десять человек – 5 на 5, синьоры и кавалеры. Выпили, танцевали. Я не танцевал. Мне по душе Рыцарские попойки вроде Севастопольской. Слушал музыку и наблюдал. Вел рассеянный разговор с блондинкой, молодой дамочкой, почти девочкой. Спасибо ей, она старалась искренне меня развлечь, в благодарность ей я рассказал, как мы пировали на миноносце «Бодрый», и тем доставил ей несколько неподдельных веселых минут.

Не дождавшись конца вечеринки, ушел на корабль еще с большей скукой в сердце. Придя на пирс, скука моя рассеялась. Слон приветствует меня фырканием – травит пар. Угу. Очень хорошо, в котлах появился пар, машины прогреты. Все эти приготовления сделаны на случай внезапного налета бомбардировщиков. Тогда можно легко выйти из-под удара, то есть отскочить от пирса на рейд, что я часто делал с неизменным успехом. По этому случаю, придя в каюту, хватил водки рюмочку для бодрости. Отлично! Служба налажена, и хозяин дома.

(Новороссийск)

Моя судьба, если такая существует (оказывается, без скептицизма даже и в своем дневнике обойтись нельзя), вероятно, как и у многих людей, является жизнью с безжалостной логикой, преследующей ничтожные цели. Самое

⁹ Смотри сноску № 3

большое, что лично для себя можно получить от нее – это познание себя самого, которое приходит поздно и приносит сожаление.

(Новороссийск)

Черт знает, что это такое. Я немножко испуган. Со мной случился непонятный припадок – обходил корабль, спустился в первую кочегарку и вдруг – страшный непонятный внутренний жар пронзил меня, я облился потом. Жар сменился невыносимыми болями в области почек и сердца. Меня почти без памяти вынесли из кочегарки и принесли в каюту. Боль меня держала скованным более двух часов. Я чуть было не смалодушничал и не пустил себе пулю в башку. Удержался, а теперь все хорошо – нет болей, и чувствую я себя отлично.

В чем же дело? Врач говорит, что это какой-то нервный припадок от переутомления. Не верится, мне кажется, это проклятая контузия дает себя знать.

Плюнем на это дело и забудем, чем скорей, тем лучше.

(Новороссийск)

Часто в тихие ночи нет ничего похожего на покой. Тишина и кротко мигающие звезды таят в себе смертельную опасность. Далекий шум воя сирен, долетающий к нам на рейд – Великая тревога сердец людских. И вот утомительно тянутся минуты ожидания. И в невероятной тишине, когда слышишь биение своего сердца, вдруг! - Да, именно все-таки вдруг – приближается рокот многих моторов. Затем проклятый свист, огонь и все потрясающий гром. Торжествуй, Курносая!?

Все это низвергается из светлого чистого неба на наши бедные головы. К этому, видимо, никогда не привыкнешь.

В момент этой дьявольщины борются два чувства: адовой злобы к тем, кто наверху, и жалости к людям на земле. То и другое чувство бессильно и бесполезно.

(Новороссийск)

Наблюдал посадку десанта какой-то армейской части на транспорт. Возмущен до глубины души. Нет, это даже не глупость, это сугубая хамская морская безграмотность. Тупоумие бумажных корсаров. Ну, где морское начальство Новороссийска?

Надо было видеть - хуже не придумаешь – грузят сотни людей,- и как грузят! И кого грузят!? – нашего замечательного золотого солдата. Не удивляюсь, что красноармейцы всех и вся кроют матом – поделом!

Корабль идет в море и никаких, буквально - никаких спасательных средств не имеет. Неужели не хватает ума, воли, фантазии, предприимчивости

заготовить самые простые плоты из досок и железных пустых бочек. И все это хозяйство выставить на палубу и навесить на борта. Этим пустяком при несчастье в море можно сохранить сотни жизней.

Не досмотрел весь этот бардак, ушел в каюту.

Тяжело. (Новороссийск)

Все сводки с фронта – сплошное огорчение. Я вижу все зловещие признаки приготовления Новороссийска к драпу. Мне приказано перейти в Потю. Что я там буду делать со своим кораблицем? – небо чадить? Что же разве уже для кораблей флота нет боевых дел?

Ну, что ж, придётся не торопясь собраться и уйти, мужественно унося с собой временную неудачу. Когда-нибудь и для нас настоящее дело будет.

Прибыл в Потю. Ну и порт! Тесный, узкий, все заставлено кораблями.

С большим трудом «Микояна» протиснули к стенке. Теснота такая, не порт, а бочка с селедками.

Налети сюда самолеты противника, мать честная! - что тут будет?! При такой обстановке! Какой-нибудь паршивый кривой фриц, не целясь всундучит бомбу в любую корабль.

Был в управлении тыла по вопросу ремонта котлов. Наткнулся на технического остолопа, изругал тыло-мошенника вдрызг и в щепки. Обиделся он на меня нестерпимо, а мне плевать – обижайся, но не суй своего ослиного копыта в дело, которое не знаешь и не понимаешь. Нечего корчить начальника. Ещё раз болван. Таких турков не сеют, не пашут, сами родятся.

Предаю инцидент забвению. К чертям собачьим всякие тылы, не можете – не надо, обойдемся без вас. Мои молодцы – кочегары все могут.

(Потю)

Час от часу не легче.

Был вызван в штаб и получил приказ срочно безотлагательно - разоружить корабль. Всю артиллерию снять до последнего пулемета и вместе с артиллерийской прислугой передать в распоряжение командира базы.

Вот тебе раз! Я остаюсь на невооруженном корабле с машинной командой. Обижен и не понимаю.

(Потю)

Прощался с артиллеристами и оружием. Прощание вышло против моего желания очень трогательным – был об ‘явлен приказ, и я сказал уходящим бойцам свое последнее слово.

Речь была очень краткой. Я никогда не предполагал, насколько люди ко мне привязаны. Я хорошо знал, что бойцы дружески и доверчиво ко мне настроены, и я знал, что в своем кругу краснофлотцы называют меня «Батя», хотя по возрасту я каждому из них не гожусь в отцы. Когда они услышали о том, что крейсер «Микоян» перестал быть крейсером и обратился в ледокол, и я не командир крейсера, а капитан ледокола, и поэтому я должен проститься с оружием и своими боевыми товарищами – артиллеристами, то многие пустили слезу.

Да прощаться было нелегко,
и даже очень.

Что сделаешь, такова жизнь: корабль, походы, опасности об’единяют весь экипаж в единую неразделяемую семью.

Сразу же после большого сбора приступили к с’емке орудий. Люди работали молча с обиженной сосредоточенностью. Смотреть на них было не весело. Вечером пришел ко мне старший артиллерист Сидоров с красными глазами, немного подвыпивший, пришел проститься. Обнялись, и я ему пожелал счастья и боевых успехов, и заказал беречь людей.

Сошли вниз в жилую палубу. Личный состав – артиллеристы были выстроены по орудийно. Взглянул на них – они как на параде вытянулись и ждут, что я им напоследок скажу. Прошел вдоль фронта, посмотрел каждому в глаза.

«Ну, что же, друзья, товарищи, расставаться нам время настало. Желаю вам боевой удачи и каждому личного счастья. На новой службе не роняйте чести бывшего крейсера «Микоян».

Всех вас считаю своими личными друзьями. Спасибо за все. Прощайте!»

Что тут началось! – лучше не вспоминать.

Пришел в каюту, хватил водки и заскучал.

(Поти)

Мне сегодня официально о’ явили, для чего разоружен крейсер и куда готовится корабль. Да!¹⁰

¹⁰ С.М. Сергеев получил Правительственное задание разоружить корабль (*По Конвенции Монтрё 1936 года во время войны Турция закрывает проливы для прохода военных судов любой воюющей державы*), превращенный в начале войны из ледокола в линейный вспомогательный крейсер для боевых действий по обороне Одессы и Севастополя; вновь превратить его в мирный ледокол и привести, безоружным, под государственным флагом СССР из Черного моря в Бухту Провидения (Анадырский залив Берингова моря) для дальнейшего использования ледокола в качестве сопровождения кораблей Северного конвоя – это был приказ Ставки ВМФ СССР.

У командира, капитана корабля Сергеева С.М, имелся и особый приказ – «взорвать и затопить корабль в случае безвыходной ситуации, в плен экипажу не сдаваться».

Эта задача со многими неизвестными в бесчисленных вариантах и одним единственным правильным ответом.

Собственно говоря, в жизни все так устроено – вариантов много, но правильное решение только одно.

Это меня не удивляет, но несколько странно и необычно. Мы должны пойти с пустыми руками в огонь без всякого оружия.

Тем не менее, задачу я имею и должен решить ее без ошибки, в противном случае Экипаж вместе с кораблем будут сброшены со счетов жизни прежде, чем будет осознана сделанная мной ошибка.

Пройти через огонь и не сгореть в нем – надо быть факиром.

Ну что же! Раз надо? Попробуем надеть чалму и халат и стать факиром.

Себя мне не очень жаль, и страха нет. Я видел нечто подобное и хорошо знаю, что с нами может случиться, но за людей - душе холодно.

(Поти)

Взвешиваю свой предстоящий, как мне кажется, немного трагичный поход.

Благодарен обстоятельствам, рад, что у меня есть время все продумать до конца.

Думай, волк, думаю, а процент у тебя только один, а может быть, и того меньше. Это против всех 99% направленных против тебя. И вся беда, и трудность твоя заключается в том, что этот процент не ясный, ты его заранее знать не можешь, и никто тебе помочь в этом не в силах. Только там, в дали, в дымке будущих событий, единственная возможность в мою пользу может блеснуть короткой вспышкой, и надо немедленно успеть схватиться за эту возможность и удержать ее в своих руках. Я в полном смысле подготовил себя ко всем случайностям, не исключая горькой неудачи.

Если неудача настигнет меня – я промахнусь, то единственным допустимым концом для меня будет переход в «Ничто». И для этой цели, не скрывая от начальства, я просил оставить мне пистолет. Я неплохо плаваю и мне трудно быстро утонуть, я не баклан, и не обязан через силу глотать солёную воду ведрами, чтобы уйти на дно. И на самом деле – в плен мне сдаваться нельзя и позорно – и я не хочу быть изгоем.

При всех остальных печальных случаях в море капитан сходит с корабля последним – тогда, когда все пути к спасению уже отрезаны, спастись бесполезно. Все равно страшный водоворот увлечет тебя на глубину, и вода раздавит. Не лучше ли навсегда проститься со всем видимым миром, сойти с мостика, закрыться в каюте и остаться с самим собой и со своей совестью.

Ледокол «Анастас Микоян» вышел из Батуми 25 ноября 1941 года, безоружным (корабль вооружили только в Сизтле – США) прошёл 3 океана – Индийский, Атлантический и Тихий, - и 9 августа 1942 года вошёл целым и невредимым в Бухту Провидения. Правительственное задание было выполнено.

Итак, будущее неизвестно, действия понятны. Все продумано, можно быть спокойным. Я спокоен, бодрюсь, в кругу людей смеюсь, а на сердце пустота.

(Поти)

Я все время окружен людьми и всё-таки, как всегда, остаюсь в одиночестве. Одиночество тревожит и беспокоит меня. Странная и порой непонятная душевная пустота. Я готов на все, и мне ничего не жаль.

В недалеком будущем мне предстоит сосредоточить все свои духовные силы. В дело идти надо с горячей душой и верой в успех, с желанием жить во что бы ни стало. А у меня нет живого огонька, нет необходимого звена, которым каждый человек прикован к жизни – У меня нет любимого человека – нет бога моего, который был бы мне дороже жизни.

Старая любовь и привязанность к Н. окончательно умерла. Слишком поздно приходит сознание того, чего уже годы не существует, а может быть, и вообще ничего не было, а был только мираж романтики юношеских зеленых дней. Горькое, запоздалое признание самому себе, но от этого мне ни капельки не легче.

(Поти)

Идет дождь, и все кругом серо. Ничто не радует глаз. День забот и трудов. Корабль должен перейти в Батуми и там выполнить последние приготовления к дальнему походу.

Я обхожу корабль и не узнаю его. Там, где стояла артиллерия и вечно у пушек копошились славные пушкар-командоры, теперь пустые, голые места. Корабль осиротел, и экипаж мой уменьшился больше, чем вдвое. На корабле стало просторно, все звуки на нем гулки, как в пустом доме после раз'езда гостей. Завтра перейдем в Батуми, а там вскоре – дальше и дальше. Пора нам с тобой, железный кавалер, выбираться на простор. Довольно стоянок.

(Поти)

Был в гостях с комиссаром у штурмана Марляна. Станный он человек и странная чета. Ну, бог с ними.

Выпили, как следует по флотским правилам, хорошо выпили.

Но зачем супруге его вздумалось лебезить передо мной, к чему ненужное кокетство, что ей от меня надо. Напрасны, уважаемая, ваши старания. Я не принадлежу к жеребьячьей породе. Каждая женская юбка меня не прельщает. Мадам Марлян, как мне кажется из числа тех созданий, которыми мужчины перебрасываются, как пестрым мячиком, и к сорока годам они вдруг вянут, стареют и становятся мегерами.

(Поти)

Прибыл в Батуми, развернул работы по погрузке угля. Топлива мне нужно так много, что портовое начальство хватается за голову:

– Ну, куда вам столько! Вы у нас все склады опустошите, сплошной грабеж!

- Ничего, братцы, не задерживайте, не будьте жадными, как жабы. Подавайте уголек!

Скрепят, подлецы, но дают. Три тысячи тонн, целая гора.

Экипаж мой один не осилит. Грузим по частям, помогают команды с других кораблей.

Комиссар Новиков за обедом сообщил мне, что завтра у нас перерыв с углем. Ему ДКФ¹¹ предложил прислать московский театр на корабль – повеселить команду. И каково мое мнение по этому поводу.

Я ответил – «Ладно, приглашайте».

Мне не до театров, я сам в себе и загорелся пылом деятельности. Я весь со всеми потрохами в предстоящем походе.

(Батуми)

Денек удался теплый и солнечный. Корабль более или менее прибран после угольной возни. На левом борту на бункере построена походная сцена – на корабле ожидают артистов. Я собирался почитать, но, видимо, придется отложить. Прибыл театр, на корабле началась какая-то беготня, суета. Мне это не очень нравится.

Спектакль начался, я не внимательно слежу за ходом действия. Рассматриваю играющих артистов – мужчин и женщин, и никак не могу себе представить, как могут в такое время люди заставить себя изображать, играть, входить в роль вымышленных персонажей и тем отрывать свое я от себя. По меньшей мере – надо иметь душу хамелеона. Какой-то артист мастерски играет идиота и настолько реально, что берет сомнение, а действительно все ли чайки у него в башке налицо.

Молодая блондинка, девица или дама – «Черт ее разберет»! Смотришь на нее и удивляешься – держит себя на сцене так нахально уверенно, что невольно подумаешь не лестно о ней. Да, простит меня Аллах! Она вертушка и видимо «цветной мячик для игры».

Но понемногу я вошел во вкус, посмотрел спектакль, поаплодировал за компанию, поблагодарил и удалился в каюту читать. Чтение мое опять прервали упорным трехкратным приглашением на ужин для артистов. Пришлось уступить.

С большой неохотой прошел в кают-компанию и сразу же от дверей вижу массу незнакомых новых лиц – женщины, мужчины, - и все, по крайней

¹¹ ДКФ – дом культуры флота

мере, внешне благожелательно настроены ко мне. Знакомлюсь. И начали пировать. Оглядываю весело настроенных людей и замечаю среди дам небольшую женщину, брюнетку, с милым овалом лица, с нежным маленьким ротиком. Взгляд ее спокоен и даже немного чуть строг. На корабле во время спектакля я ее не видел. Еще раз взглянул на нее и подумал – «Существуют же такие ясные чисто русские очаровательные женские лица!» - а подумав, засосала меня непонятная зависть. Веселость соскочила с меня, и я совсем уже ни к чему затосковал.

Что тебе, волку, нужно? Пришел веселиться – веселись. Но с весельем не клеилось.

Моего визави, артиста, с которым я вел беседу, и вдруг незаметно для себя я перестал его слышать, но, видимо, я все-таки продолжал механически поддерживать разговор.

Волк, притаившийся во мне, тихонько заскулил.

- О чем ты?

– О счастье, лицо брюнетки тебя волнует? Помолчи, псина, и так тошно. Хвати лучше водки.

Понял ли мое настроение сосед или просто по наитию, только я хорошо слышу, кого-то он зовет, и называет Лидией Николаевной. Он приглашает черненькую женщину присоединиться к нашей компании.

Я настораживаюсь, - значит, ее имя Лидия Николаевна – Лида-Лилиан. Вслушиваюсь - имя ее звучит, как музыка.

Она уже рядом со мной, она сидит напротив, на уголке стола, я ее хорошо вижу, и смотреть на нее мне немножко трудно.

Вижу ясный строгий взор, не наигранный, без тени кокетства. Она смотрит на меня и как бы вопрошает: «Ты звал меня, я пришла. Вот Я».

Но это фантазия разгоряченной головы моей, мне это только кажется. Она смотрит на меня просто спокойно.

Этот чужой внимательный взгляд серо-зеленых глаз с выразительными бровями поверг меня в длительное безумие.

Мы углубились в бесконечный разговор, не замечая ни времени, ни людей; окружающая обстановка не привлекала нашего внимания. Мы не забывали выпивать и кушали трогательно из одной тарелки, не находя в этом никаких неудобств.

Прекрасные чарующие минуты забвения. Я ей предложил дружбу, и был ошеломлен и положен на обе лопатки ответом ЛН.

Она меня поразила.

Я был восхищен и одновременно огорчен.

ЛН невероятно правильно ответила с откровенным признанием. «В дружбу женщины и мужчины» она не верила, «в любовь и дружбу – да».

Для меня ясно – я не должен рассчитывать на любовь, а без любви дружба невозможна.

Имел удовольствие потанцевать с ЛН на удивление и восторг моих бойцов – они никогда не видели танцующим своего капитана. Во время танца мой нежный партнер незаметно для окружающих подарила мне поцелуй, легкий, как ветерок. Я ей очень благодарен, но не очень счастлив, так как понимаю, это минутное увлечение и воздействие обстановки. Поцелуй – выражение ее удовольствия, и он мог быть и не для меня.

Но все же это волнует и необычно.

Показывал свою каюту ЛН и артистам. ЛН, побыв одну минутку, вышла.

Провожая гостей, сошел с корабля и проводил Лидию Николаевну, чем опять несказанно удивил своих бойцов – вниманием к этой милой женщине.

За мной этого не водилось никогда. Все же я имею ее адрес.

Л.Н. настроена ко мне спокойно дружелюбно. Ну, и на этом спасибо ей.

Вернулся в каюту, попытался читать. Не читается.

(Батуми)

Вечером решительно пошел в клуб с дерзким намерением увидеть ЛН.

Прогуливался с товарищами по залу. Я мечтал прямо сказать, глупо, мальчишески. Неумно мечтал все о ней, она мечты мои звала.

Прошаркав пару кругов, Новиков сказал мне, что моя знакомая художница стоит у входа в зал. Я не стал ждать пояснений, сразу отделился от компании, по прямой направился к дверям и внезапно встретил ЛН.

Она ласково улыбнулась. И я вижу ее взгляд, смягченный доверием, чуть-чуть излучает тепло и согревает меня. За весь вечер я ни на минуту не оставлял ее.

Что происходило на сцене, я просто не видел. Мы сели на стулья подальше от зрителей. В разговоре забыли обо всем и углубились в свой замкнутый реальный мир фантазии.

С удовольствием отмечаю, что мы оба подвержены порывам страстной впечатлительности.

(Батуми)

Мне все равно, пусть будут мои мечты иллюзией. Я дорожу этой иллюзией.

(Батуми)

Меряю шагами каюту, марширую из угла в угол. Прицеливаюсь читать – ничего не выходит.

«Что же случилось?» – который раз задаю сам себе этот вопрос.

- Как будто ничего, тогда к чему эти волнения?

- Одичал я, отвык от женского общества.
- Нет ни то. Женщин я видел, говорил с ними, они не отказывали мне во внимании.
- Нет, видимо, я плохо защищен против очарования Лидии Николаевны. Некоторые женские лица своим спокойствием и тонкостью обманывают людей знающих и сбивают с толку наблюдательность. Но, мне кажется, ЛН – женщина глубокой души и больших страстей; некоторая сдержанность ее исходит от спокойного ума, познавшего жизнь. Она очень похожа на портрет женщины, изображенной Лермонтовым в стихах:
- От дерзкого взора в ней страсти не вспыхнут пожаром.

Полюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром. *(М.Ю. Лермонтов «М.А. Щербатовой» – комментарий Е.К.)*

(Батуми)

Нет, я не чувствую никакой пустоты, но огорчений испытываю много.

(Батуми)

Кроме простого интереса и некоторой доли доверия, я ни на что не рассчитываю со стороны Л.Н. И мне очень хотелось бы не терять ее в жизни из виду.

(Батуми)

На корабле работы идут полным ходом, и корабль будет готов к выходу через несколько дней. Остается ждать только приказа.

(Батуми)

Странное дело – при встрече с ЛН я чувствую застенчивость, ранее мне неизвестную, хотя, казалось бы, в моем возрасте можно не бояться застенчивости. Я ловлю себя на мысли о том, что почти с юношеской очарованностью этой женщиной соединяется в моем сердце уважение и бесконечное восхищение ею.

(Батуми)

Мы каждый день поздно вечером встречаемся с ЛН. Мы безбожно сокращаем свои часы ночного отдыха во имя желания побыть вместе.

Тем для разговора у нас неисчерпаемые запасы. Мне страшно нравится Лидина манера говорить. У нее низкий грудной голос и тембр его глубоко женственный. Говорит она медленно, от этого ее простые слова приобретают особую значимость. Мысль, идущая от ума, предельно ясна и логична. Слова хорошо обдуманы. С ней беседовать неизъяснимое удовольствие. На людях со мной она спокойна и даже холодна.

И всякий раз наедине в первые часы нашей встречи ЛН остается сдержанно спокойной. Но я ей не безразличен. Она всматривается в мою душу, изучает меня. Я нисколько не протестую, что я являюсь объектом для ее изучения – это согласуется с моим желанием быть около нее, и я не стараюсь казаться иным, чем я есть.

Незаметно время бежит за беседой, и я с радостью ощущаю, что слова Л приобретают более интимные ласковые нотки. В глазах ее пропадает испытывающее внимание, они начинают блестеть, и в глазах появляются ласкающие искорки. За окном вечный батумский дождь. Я упросил ЛН оставить меня, не прогонять на дождь. Я провел ночь с ЛН по-братски, и ни капельки не стал ей ближе.

(Батуми)

Дни бегут. В ночной час я иду, спешу, волнуюсь, к Лиде, и никакая погода для меня не является помехой. А рано утром, с первой зарей, я быстро шагаю по пустым улицам города в порт, на корабль.

Нет, не забыть никогда этот свежий влажный булыжник, мокрые пальмы и дальние горы.

Я шагал счастливый до безумия, как человек, которому дали отсрочку и внезапно подарили несколько последних дней счастливой жизни. Маленькая милая женщина Л – такая строгая в отношениях со мной и такая правдивая в своем чувстве ко мне. Она прямо мне заявляет, что не любит меня, а чувствует ко мне дружелюбное доверие. Может быть, не так скоро, возможно, полюбит, от меня будет зависеть.

Я не обижаюсь на искренность, и было бы нелепо обижаться.

Мне больно, и очень – должен же я понять, в конце концов, что меня не очень желают, и я должен остаться один.

Безнадежно пытаться когда-нибудь заслужить ее любовь. Всего безнадежнее с ней жить.

Ну, что же! Я привык стискивать зубы, и будет даже некоторый юмор в том, что я останусь, как всегда, один.

Подумай, волк, что тебе предстоит, и очень скоро.

Зачем человеку, - милой женщине, - причинять печаль и огорчение.

Но все это разумная трезвость только от ума, а сердце просит иного.

(Батуми)

Я огорчен и взволнован. Не нахожу места себе. Стараюсь восстановить всю картину и проследить нашу беседу с ЛН.

Я так доброжелательно, с уважением отношусь к ней, чем же и каким словом я, дурак, мог ее обидеть?! Зачем и почему она плакала?

Я теряюсь в догадках и ловлю себя на мысли, что счастье, которым я владел, в самом зародыше исчезает по моей собственной, не понятной мне, вине. Я, вероятно, неосторожным словом спугнул эту редкостную птицу, называемую женским доверием.

(Батуми)

Ночью мы гуляли с любимой - прошлись возле ограды парка, освещаемые тусклым светом заоблачной луны. Мне Лида рассказывала про свою нелегкую жизнь с горестями, неудачами и разочарованием. Говорила она трудно, медленно, как бы нехотя. Видимо, ей очень тяжело. Я чувствую это, и мне бы очень хотелось помочь ей, но не знаю, как это сделать и не нашелся.

А только шел с ней рядом и волновался от ее слов.

Наконец она признается, что она вдова, имеет трех взрослых детей. Это её больше всего, видимо, пугало – как я отнесусь к этому сообщению.

Милая моя, нежная женщина, не эта ли причина твоей замкнутости, сдержанности и некоторого недоверия ко мне?!

Я благодарен ей несказанно за ее искренность.

Закончив рассказ, Лида взглянула вопрошающе и замолчала, замкнувшись в себе.

- Не бойся волка, меня, - моя хорошая. Я не причиню тебе боли.

Меня ничуть ничто не удивило.

Я просто ответил: «Лида, голубчик, ничто не изменится. Я принимаю тебя такой, какая ты есть. Я болею тобой».

Она порывисто обняла меня, и я почувствовал ликование в душе своей. Ледок недоверия был сломан, и Лида поверила моему ответу, уверовала в меня.

Взволнованные произошедшим, мы еще некоторое время погуляли и вернулись домой, как родные.

Могут ли быть забыты в жизни такие мгновения? – НЕТ.

(Батуми)

Я, как всегда, рано утром до под'ема флага прибыл на корабль. К началу морского дня и под'ему флага я выхожу из каюты на палубу принимать утренний рапорт.

Я выбрит, помыт, чист душой и телом перед богом и людьми.

С легким сердцем вклиниваюсь в бесконечную вереницу корабельных дел. Я счастлив и горд своим счастьем.

Дела идут отлично, катятся, как по маслу. Мой энтузиазм, согретый любовью Л, блещет веселостью и добродушным юмором. Бодрое состояние капитана действует на экипаж, как электрический ток, и работа людей весело спорится.

У меня, неожиданно для самого себя, находятся для каждого живые мысли, дружеские слова. Бойцам нравится. Это чрезвычайно – капитан никого не забыл, всех помнит и интересуется живо их работой.

Мне от этого вдвойне приятно.

Во-первых, моя любовь – движущая сила моя, но я не замкнулся в ней эгоистично. Пламя, в котором я горю, искры от души моей я щедро дарю своим бойцам.

И второе – эти искры западают в сердца людей и дадут им душевные силы в предстоящем трудном деле.

(Батуми)

С каждым днем наша дружба с Л растет и крепнет, мы все более и более становимся единопдушными. Волнующая нерешительность, которую порождает сила желания и боязнь не иметь успеха, осталась позади.

Лида в высшей степени симпатична. Мое чувство к ней безотчетно искреннее и сильное. Проводимые вечера и счастливые ночи. Когда любимая Лида со мной нежно ласковая, она мне дает возможность почувствовать, как тают впечатления войны, исчезает мертвящий холод в душе и по жилам вновь бежит горячая кровь. Желание жить.

Лида как женщина обладает особенностью, в которой есть острая сладость жизни, и ею никогда досыта не упьешься.

Я не спрашиваю себя, надолго - ли уцелеет то, что останется после страсти. Это никогда не уйдет, но я нашел свою единственную неповторимую женщину, и я с ней подлинно просто счастлив.

(Батуми)

Через одни сутки в ночь я должен буду уйти в море. На многие месяцы, а, может быть, и навсегда уйду в тот дальний поход, откуда никто никогда еще не возвращался.

(Батуми)

Время неумолимо. Приближается час разлуки с моей любимой. Я силюсь понять, что появилось раньше – мысль о том, что закатывается солнце мое, обрывается так внезапно короткое счастье мое, или сознание того, что я, как мальчуган, не разумно поступил, упорно не желал отрезвить самого себя от самозабвения.

Я был лишний раз глуп, рассуждая и думая о будущем, которое в данном случае от нас не зависит, когда все так неясно.

В наших отношениях нет ничего законченного и твердо сказанного.

Могу ли я себя считать любимым? И да, и нет!

И вот теперь перед лицом настоящего, а не будущего, именно теперь, когда совершенно не нужно, хищной птицей упала на меня из черной тучи войны любовь и вонзила когти в мое сердце и голову.

Смерть - событие печальное и неотвратимое, и, возможно, в недалеком будущем для меня станет неизбежной.

Но нет никаких средств предотвратить Любовь, этот живой огонь жизни. Найдется ли хоть один человек на свете, который бы решился погасить пламя, его согревающее и дающее свет ему, чтобы он мог видеть радости жизни.

Напрасно я стремлюсь себе доказать свое легкомыслие и свое право на счастье – на самом деле, в меня внедрилось и живет во мне глубокое чувство, поэтому я больше уже не рассуждаю и признаю, что люблю Лиду, как бога своего.

(Батуми)

En esta tarde gris¹² - печаль души, предчувствие скорого прощания с любимой. Осталось несколько считанных часов побыть мне с Ликой.

Корабль мой готов сняться с якоря и уйти в дальний поход.

Я пробыл всю ночь у своей любимой, и время прошло, как одна минута.

Рано утром я распорядился уже на корабле, отдавал последние распоряжения. И наконец, все, что можно сделать – все сделано. И я смогу сойти с корабля. Взглянуть последний раз на уголок, где так мало я провел времени и где так много пережито. Я сам перед своей совестью уклоняюсь, стараюсь не произносить ужасные слова: «проститься с любимой», но, тем не менее, это так. Ведь я на долгие времена не увижу и не услышу Лиду.

Я застал Л в постели.

Бедная, милая, моя любимая женщина, я безбожно варварски краду ее время сна и отдыха.

Лида меня встретила со спокойной радостью и ласково предложила немножко отдохнуть рядом с ней.

Нет, мне не нужно повторять.

¹² "En esta tarde gris" - «Как плакать в этот серый вечер /Я желал.../ Он шелестом дождя / тебя напоминал!» - аргентинского танго (1941 г.). Музыка Мариано Мореса, слова Хосе Мария Контурси.

Я был обласкан так, как может быть обласкан только любимый.

Мы немножко потеряли с ней голову, безумствовали, как бы желая насытиться друг другом на все время разлуки.

Ярко разгоревшийся костер пора пригасить. Времени для ласк, игр, забав и горячих речей у нас с Лидой уже нет.

Когда мы пришли в себя, Лида открыла ставни окна, за окном лил благостный дождь, предвестник будущего нашего счастья и удачи.

Я воскликнул: «Лидик, природа благословляет наше счастье!»

Моя любимая радостно кинулась мне на грудь, обняла мою шею, и мы расцеловались, любя, с непоколебимой верой в наше будущее.

А спустя полчаса под серым небом, под дождичком, на сыром блестящем асфальте, у автобуса - мы прощались с Лидой.

Я смотрю на ее милое лицо, ее глаза выражают грусть и надежду, ее рот крепко сжат, складочки у губ выражают печаль.

- Лида, любимая моя, не забывай меня и дай мне надежду на будущее, что ты станешь моей подругой, - подожди меня! Если же что со мной случится, вспомни меня и брось камень в море на помин моей души.

Лида мне отвечает: «Сереза, жду три года, терпеливо буду ждать, любимый, все обещаю – береги себя и не забывай меня».

В последний раз мы обнялись и с болью печально расстались.

Не оглядываясь, я ушел на корабль.

Лида, моя любимая Лида, ты будешь всегда со мной, как мое сердце со мною.

(Батуми)

Я полюбил Лиду раз и навсегда.

Ну, допустим, я ошибаюсь, или мой выбор окажется неудачным, все равно ничего не изменится. Я буду очень страдать. Но не откажусь от нее НИКОГДА! Другой Лиды нет и не может быть. Я уважаю свою любимую, люблю и молюсь на нее как на бога своего.

(Батуми)

Все кругом так неясно, как будто бы смотришь сквозь слезы. Перед нами раскинулось широкое спокойное море. Над нами темно-синее холодное небо, наполненное звездами. Позади за кормой далекие горы, берег и город Батуми. Все затянуто голубой дымкой предутреннего рассвета. Горький запах Батуми, запах нефти доносится к нам на прохладный простор в море. Ветер запел нам в снастях бесконечную песню свою. Шум воды, рассекаемой

кораблем, - дрожь корабля и глухой рокот машин. Все так знакомо, а звучит, как грустная мелодия прощания с родным берегом на долгие годы.

С каждым оборотом винтов берег тает, уходит все дальше и дальше от нас. Живое трепетное волнение жизни: любовь, сомнения, окрыленные надежды на будущее счастье, муки расставания, - все осталось на удаляющемся берегу. И все прошло, как краткий чудный сон.

На сердце осталась тоска и боль неудовлетворенных желаний, невысказанных последних таких нежных слов и острая печаль разлуки.

Так горько, что даже нет слов для сравнения.

Я смотрю на туманную даль за корму, на далекий город, мысленно нахожу то место, где я оставил самого себя, свое сердце и разум.

Я оставил самое мне дорогое – милую женщину, мою невесту, жену, любовь свою – родную мне Лиду. Я не говорю: «прощай» - я тихо шепчу: «До свидания, любимая Л. Я тебя никогда не забуду».

(Черное море)

Я горю и мучаюсь от сознания своего предстоящего одиночества в долгой разлуке. Прикладываю к себе все усилия воли вернуть себе то мужество, ту дерзкую готовность на все – за успех во имя будущего счастья с Лидой. И действительно, к чему печаль, мне ясно сказано, что я любим и меня будут ждать терпеливо три года.

(Черное море)

В море крепкий зимний шторм. Бешеный ветер. Даль скрыта, море бело от пены. Корабль стремительно переваливается среди шумных волн. Я в каюте, счастливый, пишу своей любимой с беснующегося моря сумасшедшее восторженное письмо. О! у меня нет уже никаких сомнений. Я обрел силы в любви твоей, Л.

Я уверен в себе и верю в свой успех. Все опасности и трудности пройду, как нельзя лучше. Я никогда еще так сильно не ощущал в себе воли к жизни, а виновница ты, моя любовь – Лида¹³.

¹³ Лидия Николаевна Сергеева – Калёнова (1903 - 1978), вторая жена Сергеева С.М.

Официальный брак зарегистрирован в 1945 году.

Л.Н. происходила из семьи потомственного священника Авенирова Н.К. (служил в Великом Устюге и в Омске) В конце 20-ых годов отец Л.Н. был репрессирован, вернулся из ссылки в 1939 году.

Л.Н. окончила ВХУТЕМАС, отделение художников – монументалистов; Член МОСХа. До войны и во время войны работала в Московском Областном театре, совмещая должности – художник-оформитель, костюмер-гримёр и помощник режиссёра; возглавляла художественный отдел театра.

Л.Н. дважды была замужем – первый муж – Браилко Николай Николаевич, художник (от этого брака имелись две дочери – Галина 1927 года рождения и Мира – 1928 года рождения). Вторым мужем – Калёнов Константин Алексеевич, юрист; занимался историей партии Октябристов. В 1937 году Калёнов К.А. был репрессирован и расстрелян (от второго брака дочь – Марина 1934 года рождения).

Сергеев С.М. и Лидия Николаевна в счастливом браке прожили 38 лет.

(Черное море. 28 ноября 41)

Письмо.

Пишу письмо глубокой ночью в море.

Видишь, Лида! Капитан нашел минутку написать тебе письмо и даже больше: он способен и склонен к лирике, любя тебя.

Голубое небо, кучевые малые облака, бесконечное ржаное поле и голубой веселый василёк – это ты моя родная Лида – сердцу радость, жизнь моя.

И это все.

Теперь немножко прозы. Твой капитан, Сергей, бодр и счастливыми глазами меряет синие пространства, ибо, Лида, друг мой милый – любимый, любит меня...

А, может, нет?

Ах! Нет, так не может быть.

Смерть и жизнь – риск и успех – либо все, либо ничего, но я верю в себя, а поэтому все хорошо.

Когда-нибудь в Москве или в другом месте я увижу тебя, моя родная Лида, и, Боже мой, как это будет чудесно, моя светлоглазая невеста.

Я крепко верю в то, что мы будем вместе, Лида, Лидочка моя хорошая, как я хочу быть тебе самым близким человеком. Сохрани себя, моя родная, любимая, хорошая Лида, и не забывай меня.

Твой, горячо любящий тебя, Сергей

(28 ноября 1941. Черное море)

(Приписка авторучкой - другим почерком яркими синими чернилами)

Это письмо Сергеев послал из Константинополя через консула¹⁴. Получила его Лидия Николаевна Калёнова в Батуми через 2 или 3 месяца, когда итальянцы писали в газетах, что корабль потоплен ими¹⁵.

Сергеев С.М. ушёл из жизни через 5 месяцев после внезапной скоропостижной смерти любимой жены, 1 мая 1979 года.

¹⁴ Стамбул (Константинополь) – это был последний порт на пути следования корабля, где было Советское консульство. Видимо, это письмо капитан Сергеев С.М. передал советскому военно-морскому атташе, капитану К.К. Родионову, который был на корабле в Стамбуле. В Стамбуле же К.К. Родионов ещё раз подтвердил Сергееву категорический приказ Советского командования: «... Корабль ни в коем случае не сдавать, взрывом топить, экипажу в плен не сдаваться».

¹⁵ После успешного сложнейшего маневрирования, ледоколу удалось уклониться от 8 торпед, выпущенных с итало-фашистских катеров и сброшенных с самолётов.

Жила она на улице Шаумяна,3, работала в театре.

Продолжение дневниковых записей капитана дальнего плавания С.М. Сергеева:

Отдельный аккорд архитектуры – фрески. Сервантес Miguel

Так жил жестокий торгашеский и сумасбродный мир, в котором был занесён Мигель Сервантес. Случайная жертва – неиспорченный человек, полный отваги, фантазии и сострадания.

Он вдруг с ужасом постиг до конца, куда его зашвырнула судьба.

Но человеческие мечтания редко сбываются полностью

Грубый военный народ смотрел упоённо. Это было явление «сакральное» и полагающее конец всяким сомнениям. Да и роскошь казалась многообещающей. Не флоту здесь делали смотр, здесь залучали сердца вояк. *(перечёркнуто)*

День ослепительный, ясный догорел. Мирно сверкала вода; небо, не запятнанное ни одним облачком, было залито благостным и чистым светом. Привет тебе, Природа.

(Индийский океан. 5 февраля 1942)

Большинство моряков ведёт особый образ жизни. И по натуре своей они домоседы. Их дом – корабль – и всегда с ними, а также родная стихия моря. Все корабли похожи – один на другой, а море всегда одно и то же – пустыня. На фоне обстановки, которая, в сущности, никогда не меняется, чужие берега, чужие лица, изменчивый лик жизни – скользит мимо, не трогая души моряка.

Корабль был цел и невредим, но на палубе начались пожары от обстрела настроек корабля из пушек и пулемётов. Пули пробили заполненный бензином бак разъездного катера, и горящее топливо хлынуло на палубу. Горящий катер, обрубив канаты, пришлось сбросить в море.

При подходе ледокола к Британской базе на Средиземном море «Фамагуста» (остров Кипр) «микояновцы» узнали, что радиостанции Берлина и Рима уже успели сообщить на весь мир об уничтожении крупного советского судна, подобрав в море несколько деревянных деталей от сброшенного горящего катера и спасательный круг с надписью: «Анастас Микоян».

После рабочего дня случайная прогулка или пирушка на берегу открывает моряку тайну жизни целого континента, и обычно моряк приходит к выводу (заключительному), что эту тайну не стоило открывать – она слишком ничтожна.

«Он был похож на лоцмана», - лоцман для моряков олицетворяет собой всё, что достойно доверия. Мне приятно. Так он сказал обо мне. Хорошо услышать такой эпитет от лоцмана.

(Аден. 1 февраля 1942)

Все мы были связаны узами, какие налагает море. Поддерживая нашу дружбу в течение долгого периода разлуки – с родными; эти узы помогают нам относиться к рассказам других снисходительно, и даже личные взгляды каждого из нас терпимы тут, в море.

Набъём братски трубки на равных.

(Индийский океан)

Огромный бесконечный простор Индийского океана, не тронутый рябью, покоился на склоне дня после многих веков верной службы людям, населявшим его берега; он раскинулся невозмутимо величественно, точно гигантский путь, ведущий к самым отдалённым уголкам земли. Смотрю на могучее лоно воды и вижу его не в ярком сиянии затухающего дня, который загорается и угасает навеки, но в торжественном свете не умирающих воспоминаний (пусть хотя бы и по книгам истории мореплавания). И действительно человеку, который с благоговением и любовью отдал себя морю, не трудно воскресить на этой голубой воде великий дух прошлого. Солёная вода, вечно несущая свою службу, хранит воспоминание о людях и судах, которые плавали в этих водах: одни возвращались домой на отдых, другие шли в открытый океан на Восток навстречу битвам. Не так давно, каких-нибудь 4 десятка лет назад, шли наши братья по крови на русской эскадре Рождественского на свою гибель и смерть к Цусиме. Склоняю голову.

(Индийский океан 6 февраля 1941)

Вот этот лик, явно русский. Ну, так и есть – гребёт сюда.

- «Вы русский?» Он махнул рукой и в мгновение ока погрузился в самую бездну отчаянья, через секунду он уже оттуда выкарабкался и завладел моей рукой. Не переставая трясти мою руку, он забормотал:

- Брат-моряк... честь... удовольствие... наслаждение... представиться... - разумеется, русский, ещё какой – курский... Старпом с норвежского шипа (ship)...

- Курю ли? – где вы найдёте моряка, который не курит? ...

– Что, русские папиросы?! Превосходный табак – забыл даже вкус. Вот это по-братски...

-Ну, ладно. Всё, пожалуй. «Good by», «курский старпом норвежского шипа».

Вот этот арабчик с лицом шипчандера (ШИПЧАНДЛЕР. (от англ. ship - судно, chandler - мелкий торговец). Фирма, поставляющая судам продовольствие и осуществляющая их снабжение...), бес сомнения «сукин сын».

Снова мы попали в город-порт, похожий на гроб, разваленный. И с досадой смотрели на людей, которые суетились, чтобы выманить друг у друга деньги, а с нас - за ни что бакшиш (*гостинец, чаевые, взятка*)

Белокурая голубоглазая женщин как-то странно смотрит на меня. Я замечаю, что она не молода, - во всяком случае, уже не молоденькая девушка. Она созрела для верности, страдания и веры в хорошее.

Когда я был мальчишка, я страстно любил географию, особенно - географические карты¹⁶. Часами я мог смотреть на эти цветные полотна

¹⁶ С.М. Сергеев (Ростовцев) происходил из семьи потомственных военных: и его отец, и его дед, и прадед - служили России.

Отец, Ростовцев Михаил Сергеевич (1866 – 1943), дворянин, кадровый офицер, полковник, артиллерист, закончил Академию Генерального штаба; как боевой офицер прошёл две войны: Японскую и Первую Мировую (Германскую), - имел Георгиевское оружие, кресты, ордена; был в охране последнего царя Николая Второго.

После Революции отец сменил родовую фамилию Ростовцев на «Сергеев» и своё отчество Сергеевич на «Васильевич». Видимо, так было в доставшихся ему документах – по преданию семьи – его денщика.

Маленький Серёжа (Сергеев С.М.) с детства бредил морем, мечтал стать моряком. Он рассказывал, что, когда мальчишкой держал игрушечный кораблик, руки его дрожали и сердце билось от восторга.

Он родился в Петербурге в 1901 году (позднее приписал себе 4 года; во всех документах год рождения Сергеева С.М. – 1897).

В 1913 году успешно сдал экзамены по программе реального училища и поступил в Мореходное училище Дальнего плавания (Петербург), успел до революции окончить курс кадетских младших классов.

материков и океанов, мечтая плавать, видеть, ощущать уголки мира – и вот мечты сбываются. Меня чёрт знает, куда занесло. Туда, где редко корабли ходят. Вот уже который месяц я слушаю музыку моря, устремляясь всё вперёд и вперёд. Но, увы, сладость детских мечтаний приобретает вкус горечи – горечи разлуки с любимым другом, родным, а всё же - где же ты Н? *(Н. зачёркнуто и другой ручкой - Лика!)*

Любопытно, женщины весьма практичны, и в тоже время до какой степени они далеки от реальной жизни. Они живут в мире, ими же созданном, и ничего похожего на этот мир никогда не было, и быть и не может. Их мир слишком великолепен и, если бы его можно было сделать его реальным, он бы рассыпался ещё до захода солнца.

Пустынный поток, великое молчание, нещадное тропическое солнце, непроницаемая белая завеса испарений, - горизонт узок. Воздух тёплый, густой, тяжёлый, сонный; не было радости в блеске солнечного света.

Для поступления в морское училище Дальнего плавания требовался морской стаж, для получения морского стажа летом 1912 года Серёжа (Сергеев С.М.) плывал юнгой на судне «Тула» Доброфлота («Добровольческий флот»), выполняя обязанности матроса 2 класса. Корабль вышел «из Петербурга в Ревель и проследовал во Владивосток с заходом в Европейские, Африканские, Индийские, Китайские и Японские порты с возвращением в Чёрное море» (Сведения из Автобиографии Сергеева С.М.). Это было его первое «кругосветное» плавание.

В дальнейшем каждое лето до 1917 года Сергеев С.М. проходил практику на кораблях Балтийского флота. В 1916 году плывал на корабле Балтийского флота «Елизавета» рулевым, служил на крейсере «Россия».

Длинные тёмные полосы воды уходят в серебристую дымку пространства – тяжело, трудно дышать и очень скучно, а кругом таится опасность!

(Индийский океан 1942 г)

Ложь я ненавижу, и не выношу ее потому, что я не честнее остальных людей, но просто потому, что она меня страшит. Ложь делает меня несчастным, вызывает тошноту и скуку и делает меня больным. Должно быть такой мой темперамент, и за него я всегда страдаю.

Моя судьба(!), если такая существует (оказывается, без скептицизма даже и в своем дневнике обойтись нельзя), вероятно, как и у многих людей, является жизнью с безжалостной логикой, преследующей ничтожные цели.

Самое большое, что лично для себя может получить от нее человек, это познание себя самого, которое приходит поздно и приносит сожаление.

Странные люди, иногда говорят, что они простые и с открытой душой, как дети. Но обычно я вижу нечто странное: чужая женщина, негритянка, поравнялась с кораблём, оставила свою лодчонку и повернулась к нам лицом. Длинная ее тень опустилась по воде до самого борта корабля. Ее лицо далеко не простодушно – оно скорее трагическое и жестокое, было отмечено печатью дикой скорби, немой муки и страха перед каким-то, ещё не оформившемся решением. Пёс знает, что человек думает и что ей нужно.

(Африка, Момбаса, 1942)

Я, кажется, повторяюсь, но, видимо, эта мысль весьма часто помимо воли всплывает:

Бывают моменты, когда всё прошлое встаёт перед вами, и, мне кажется, что это каждый человек переживал. Это случается в критические минуты игры в жизнь и смерть.

(Африка. Момбаса. 12.02.42)

К сожалению, люди страшно мнительны, и чем больней их стукнет, они стонут от простых вопросов.

Мнительность отвратительна, и такие люди, не исправимые болваны и дураки по жизни, приносят неисправимый вред любому делу и вызывают отвращение к жизни у каждого.

(Африка. Индийский океан)

Справляли на корабле праздник – 24 годовщина РККА, пришлось выполнить дипломатическую миссию и пригласить наших союзников¹⁷,

Был накрыт стол. Друзья А. напились до чёртиков. Комендант порта Д. разбил свой автомат.

Вся солидность и натянутость англичан слезла с них, как шелуха, от первой рюмки.

Прогнал одного мерзавца, бизнесмена – К.

Каждый день мы видим тоже море, словно стоим на одном месте, но позади осталось немало портов, проливов и баз с такими названиями - Могадишо, Уотаму, Момбаса. Эти имена казалось, взяты были из морских романов и, однако, действительный роман разворачивается на фоне мрачного занавеса ожесточенной войны.

Изредка мы подходим ближе к берегу (т.е. Порту). Доносившийся шум прибоя доставляет подлинную радость, словно братская речь (моряку иногда тоже не мешает быть на берегу). Это было что-то естественное, имеющее причину и смысл. Иногда лодка отваливала от берега, давала на минутку возможность соприкоснуться с реальностью (данной) земли. Гребцы на ней были чёрные парни. Издали вы могли видеть, как сверкали белки их глаз. Они кричали, пели, пот струйками сбегал по телу; лица их казались... масками, но они были живыми.

Нет реальнее людей.

В них чувствовалась необузданная жизненная сила и напряжённая энергия.

И это было также естественно и правдиво, как шум прибоя у берега.

Их вид действовал успокоительно, и я чувствовал, что всё ещё нахожусь в мире непреложных фактов, но это ощущение мимолётно и всегда рассеивается при воспоминании о войне.

(Африка. Дурбан. 1941. Март)

¹⁷ На пути следования ледокола «Анастас Микоян» из Чёрного моря (Батуми) в Берингово море (Бухта Провидения) от Стамбула и до Сан-Франциско ни в одном порту, куда заходил «Анастас Микоян», не было Советского представительства, посольства, консульства (Кипр, Бейрут, Хайфа, Порт-Саид, Суэц, Аден, Момбаса, Дурбан, Кейптаун, Монтевидео, Лота, Вальпараисо, Кальяо, Бальбоа)..

Капитан Сергеев С.М. связь поддерживал с британскими союзниками во всех портах по маршруту следования ледокола «Анастас Микоян». Многие решения, в частности по маршруту корабля, капитан принимал сам, вопреки советам союзников, сообразуясь со своим морским опытом и здравым смыслом.

В каждом новом порту жизнь новая и люди новые. И все так не похоже на предыдущее. Своим появлением вызываем удивление и противоположные чувства – восхищения, уважения и ненависти. Мы уже перестали удивляться. Ну, твердо я могу сказать сам о себе – меня не удивляет и не восхищает больше ничего. Очень много скуки, личной и тяжелой грусти о друге моем («моем» зачеркнуто, сверху другой ручкой «Лиде»).

Часто в море вид моего корабля пугает торгашей. Как-то раз при виде нас какой-то голландский «шип» перепугался насмерть, было видно, как команда бегала по палубе, несколько раз подбегали к своим старым пушкам и вновь разбегались. Представляю! Какое смятение духа переживал весь этот народ. И наконец, решившись умирать, твёрдо встали к орудиям и стали наводить пушки на нас. Голландец в это время производил дикий маневр - метался то вправо, то влево, - и успокоился лишь тогда, когда мы прошли его траверз.

И видно было, как корабль стал набирать ход, страшно дымя. Ну, добрый путь вам, удачи. К сожалению, я такой же безобидный, как и вы.

Вид мой грозный – нечего пугаться¹⁸.

Кейптаун несколько напоминает Новороссийск – и тут свистят береговые ветра. Город туристов, эмигрантов, город разброда умов – большой проходной двор всего мира – был и остается им. Корабли всех флагов (заходят на ремонт); моряки всех наций заполняют кабаки и улицы этого мирового хлева.

Нигде так много пьяных рож вы не встретите, как в Кейптауне.

Нас очень хорошо принимали, по крайней мере, внезапно сам городской Мер, хозяин, пришел и устроил обед в честь русских моряков.

Очевидно, думая, что мы ничего не понимаем по-английски¹⁹, высказал мысль, «что поскольку «русские» хорошо воюют, он очень рад и доволен» этому.

Да, пожалуй, он прав, сукин сын, не подозревая, что ценой крови – жизни и молитвами мы выстояли, т.е. мы, советские люди, бьемся за свой интерес и

¹⁸ Смотри сноску № 23

¹⁹ Сергеев С.М. с детства знал французский язык и английский, испанский (разговорный) освоил в командировке в Испании.

одновременно спасаем шкуру английского льва²⁰, а шкура с дырками, и пора ее пронафталинить и положить в сундук времени.

Наконец, после долгих мытарств и возни с погрузкой угля в Кейптауне, мы оторвались от берега в бесконечный простор океана. Правда, кстати сказать, этот отрыв не обошелся без маленького инцидента. Один из радистов англичан опоздал на корабль. Лейтенант английский усиленно извиняется и чувствует себя плохо. Да, пожалуй, плохо, если матросы королевского английского флота могут опоздать на корабль, то это значит, что у них совсем плохо с дисциплиной. Как я замечаю, в английском флоте и армии должной дисциплины нет. Был послан матрос, английский сигнальщик, через два часа он привёз вдребезги пьяного гуляку²¹.

²⁰ У капитана Сергеева С.М. было очень много разногласий с союзниками – выбор маршрута корабля, вооружение, дисциплина. Часто ему приходилось вступать в прямое столкновение с Британским командованием. (Смотри сноски 17 и 21)

²¹ По договорённости между Советским правительством и правительством Великобритании, от пролива Дарданеллы и до Кипра ледокол должны были сопровождать английские боевые корабли. Но никакого сопровождения англичане дать не могли. Английский Средиземноморский флот в боях понёс большие потери. Рисковать своими кораблями ради охраны советского ледокола англичане не посчитали возможным, о чём сообщил капитану «Анастаса Микояна» британский представитель в Стамбуле. Но для связи с Британским морским командованием на ледокол были направлены лейтенант сэр Эдвард Хансон, радист и два сигнальщика. Ничем иным союзники помочь не могли. Второй эпизод, связанный также с британским «охранением»: когда корабль «Анастас Микоян» должен был покинуть порт Кейптауна (Южная Африка), к берегам США шёл британский конвой военных кораблей. Советский ледокол «Анастас Микоян» должны были включить в этот поход, но командир конвоя отказался его включить в состав конвоя, сославшись на то, что тот слишком дымит при работе машин на полном ходу, что может демаскировать конвой. Ледокол «Анастас Микоян» 26 марта 1942 года самостоятельно покинул Кейптаун и ушёл незаметно в Уругвай, полагаясь только на свои силы и морской опыт капитана Сергеева С.М.

Должен поговорить с начальником кейптаунского порта на приеме представителей штаба Кейптауна, т.е. Военного флота.

Была встреча капитанов корветов на вверенном мне корабле. Народу прибыло много, почти все пришли с большой готовностью выпить и крепко. Ну, что же это возможность была предоставлена им. И мне пришлось одному единоборствовать с 6 весельчаками, ибо комиссар не пьет, видно из-за ..., хотя если не желудок, страшно перенес Врёт, за это вранье его люди и не любят. Все хорошо ... всех 6 человек в город отправили.

Океан 3 сутки мотает безбожно и страшно. Скука, убийственная скука, все одно и то же, и главное – физически утомительно. И гложет дума – где же моя любовь, доходят ли мои письма до нее.

(разбирать почерк очень трудно, видно, что шторм разыгрался нештучный)

Тяжело переваливаемся с волны на волну, мы – пешки.

На Зюйд – Зэг – West - идем на запад. Примерно этим путем шли в далекие прошлые века Васко Де Гама, Магеллан. И век чувств и попытка на парусных каравеллах пересечь океан. Какие смелые люди! Надо им было терпение и мужество медленно, стремительно медленно пройти по необозримым просторам океана, не зная его путей. И не удивительно после таких в переходов кончить разбег на первом попавшемся берегу. Часто попадали они в руки дикарей-людоедов, судьба предназначала им быть с'еденными без соли.

Кто только не переживает это тяжёлое одиночество вообще и неопишное величие неба.

Да и современные моряки понимают, почему после долгого океанского перехода они застревают в первом попавшемся кабаке на берегу.

Он, т.е. моряк, рад всякому новому простому береговому впечатлению и воспринимает его как необходимую радость жизни, как непреложный факт, что он существует и живёт, и первая попавшаяся – случайная и не случайная – подруга дарит ему счастье, какого он и не мыслил себе. И портовые девки хорошо знают цену этому искреннему чувству и по своему умеют ценить и благодарить.

*

*

*

Потрясающе красивое зрелище захода солнца в океане. Трудно описать это видение и игру цветов. Я думаю, если бы был настоящий художник²², при виде этого неба, солнца и этих тонких золотых лучей... он, вероятно, затрясся бы от своего бессилия, узрев эту красоту природы. Я тоже трясусь от бессилия и восхищаюсь виденным, и прощаю Океан и морскую службу за её нудность, безнадёжную скуку и за трудность. Ещё раз - тебе привет, Природа!

Я часто восседаю на крыле мостика, как на троне, и возношусь над зыбью океана, волны с грохотом и шумом бьются о корабль и раскачивают меня вместе с кораблём. Я чувствую себя полубогом, ибо этот здоровенный корабль становится частью меня. Корабль - мой мир, моё маленькое царство.

Скука сжирает меня. Единственное развлечение – мой придворный черный песик - Арабчик. Он очень симпатичный и смешной песик. Любит меня просто и предано, как могут любить собаки. Он отлично понимает мое настроение и вполне способен развлечь и стереть черную полосу. И на мой возглас, когда я не вижу его, что мол капитан страшно загрустил и скучает, и очень хочет видеть Арабчика, эта славная псина появляется из-за угла, как тень, и скромно сидит напротив меня, показывая, что он готов развлечь капитана. Подлец наблюдательный, умный.

Черт возьми, океан прекрасен до невозможности. Я счастлив, что имею глаза. Еще и еще раз – благослови, Природа!

Атлантика

Я часто, как и Магеллан, смотрю на Запад и, видимо, даже мысли в основном одинаковы, мы разговариваем с ним, а о чем, я умолчу. Хотя нас разделяет огромное время истории.

Атлантика

²² Капитан Дальнего плавания Сергеев С.М., выйдя в отставку, помогал жене, художнице, прорисовывать контуры кораблей, со всеми их конструктивными особенностями и деталями, в её морских работах. Создавал Сергеев С.М. и модели кораблей – крейсера, шхуны, фрегаты. Чертежи модели ледокола «Анастас Микоян», сделанные Сергеевым С.М., были опубликованы в журнале «Моделист-конструктор», № 5, 1990 г.

Сегодня сердитый океан и не радуется глаз и сердце своей красотой. Длинный долгий серый день труда и забот, ибо океан валит свои волны через борт и грозит потопить нас, океан кипит.

- Черта с два! Не дамся!

Хотя корабль тяжело переваливается с волны на волну, и такой большой черт получает огромный удар от Океана.

Атлантика

Вот уже десятые сутки мы видим только воду и бесконечную игру красоты неба. И черт знает, где мы затерялись в этой огромной водной пустыне. Я страдаю, и мне тяжело, я слишком долго в отрыве от своего друга сердца («Л.» - подписано другими чернилами). И все же эта чужая тяжелая соленая вода меня вдохновляет и дает смысл жизни.

Моя жизнь – это бесконечная борьба либо со стихией, либо с людьми, которые стремились всячески убить меня. Могут, но пока я больше (выше) этих мерзавцев, не достанут они меня. Сердце человеческое все терпит. Как-нибудь и я все трудности перетерплю.

Итак, уже сутки на исходе, как мы вновь выбежали в океан. Несёмся на юг. – Да, на юг. В нашем понимании юг – это значит тепло, здесь все наоборот. Юг – это значит холод, туманы и ветра – сиречь Антарктика. Идем по историческим местам. Море сильно светится по-осеннему, как у нас в Черном море. Это роднит. И весь день стоит туман – не возражаю, пусть он туманит головы и глаза тем идиотам, которые желают убить нашего славного железного малыша Микояна (т.е. Ледокола)

Океан впервые за 20 суток ласков, дует легкий береговой бриз, попутный нам.

Notica, то есть сведения впервые более менее точные, полученные с родины, радуют и волнуют до слез. Наши б'ют фашистскую сволочь, все громче слышны стенания нашей любимейшей и драгоценной родины, там, где моя милая роднуля котик Лида - Где же, где же она? – я пока не знаю.

Земля полна жестокости, как море движением. Одни болят от первой, другие – от второго...

Вновь мы попали в город, страну после многих, многих дней и недель тяжелого перехода в океане.

И опять, как и прежде, если не больше, своим появлением возбудили умы и сердца людей!!! – либо на восторг и удивление, либо на адскую злобу и недоумение – что же это за люди русские?! Это они нас так называют (любопытное дело). «Черт их знает этих русских людей – плавают в такое время по морям и океанам, прибывают в отдаленные уголки земного шара самым внезапным образом. И к тому же приятны (?) и щедры, как боги». Возлагают на нас венок освободителей.

Уругвай. Народ и так возбужден, а тут эти русские. А, впрочем, даже если (считают, что русские весьма и весьма резко отличаются от уругвайцев и чилийцев – «русские чудесные простые мужики», - людям отказать в любезности невозможно.

К нашему прибытию были 2 крейсера – английский и американский. Оба командира нанесли мне на моем довольно грязном шипе визит, были чрезвычайно довольны моим обедом и бренди.

Что я вывел, что американец довольно симпатизировал мне, и ему хотелось бы от меня взаимности и больше уважения, и наоборот – англичанин критически смотрел на меня и недоверчиво расспрашивал меня, и оба одновременно пригласили меня к себе на корабли. Я был не против у американцев встретиться.

Я был на вечеринке у американца. Встретили как адмирала с парадным строем и флагом, (построили) своих людей и держали их в строю – до тех пор, пока я не попросил капитана дать команду «Вольно!»

Сейчас я остро чувствую некоторое угрызение совести. - Сколько моих соотечественников положили свою жизнь за родину!

А Я? Что Я?

.... Русский советский ледокол гоню через океаны домой, - это мирные дела, а не военные, конечно, есть относительно много опасностей – но по времени они слишком растянуты.....

Ибо нигде, как у нас, в нашей стране, человек не звучит так гордо. Советским воинам это звучит как приказ к оружию. И мне...

(Атлантика Магелланов пролив
22 апреля)

Далее по причине трудности чтения текста я могу поместить только ещё несколько отрывков

Я смотрел кино в море, вернее в открытом океане, почти кино...

Истребители с неба уже десятый раз выли и били мой корабль, они всякий раз расстреливали меня, а я уходил: курносая смерть моя, (?) до потери души я тоже свое время терял смелость, но корабль и людей спасти надо.

Я всё чаще начинаю предаваться воспоминаниям недавнего прошлого.

Батуми! ныне звучит для меня по-иному. Лика со мной в сердце моем. Ее видение греет меня и притупляет боль.

Видение, которое наиболее часто посещает меня, не имеет слов.

Выразить, да поможет мне божественный, я его помню, но мог бы он точно выразить то, что случилось со мной?

О, мгновение, которому нет имени!

Я сжимаю любимую в своих объятиях. Мне казалось, что оба мы унеслись в небо и наполнили его все собой.

Я чувствовал себя ставшим подобным богу, и мне казалось, что в сердце моем я несую всю красоту мира и всю гармонию природы, ... цветы и шумящие леса, реки и вечно живое море.

В один поцелуй я вложил вечность.

Но, увы!

Красоту мира я ежеминутно и каждодневно созерцаю и, тем не менее, мне все кажется сейчас пустым.

Главного, самого необходимого со мной нет.

Нет Лиды, моей любви.

И не полна моя жизнь.

Что-то случилось, да, совершенно верно, случилось, а именно - когда я познал ясноглазую Лиду, я понял, что жизнь мне щедро поднесла самый ценный дар – любовь, взаимную любовь.

С благоговением принимаю и бесконечно благодарен.

О, черт возьми, я как рантье французской буржуазии, учитывая некогда полученные раны на фронте, - я читаю сводки с фронта и радуюсь со своей страной успехам нашего героического народа.

Но я! Я!

Все не воюю, т.е. воюю мало – главная задача спасти свою шкуру и привезти шкуру большого белого медведя - полезная и нужная задача, понимаю. Но я же военный человек до последней капли крови, а у меня нет оружия, ибо то оружие, которое поставили мне, не оружие, а смех²³. Сами англичане и американцы ... смеются над нашим оружием, сволочи, а совсем без оружия ещё смешнее....

(Сан-Франциско)

²³ 4 декабря 1941 года ледокол «Анастас Микоян» после всех маневренных боёв в Эгейском - Средиземном море, после пожара в Хайфе и спасения британских военнослужащих английской зенитной батареи, после ремонта корабля, благополучно завершил очередной этап перехода. Корабль прибыл в порт Суэц, где по предварительной договоренности с британцами на ледокол должны были поставить несколько орудий и пулемётов. Однако на ледокол была поставлена только одна малокалиберная пушка 1905 года выпуска, что никак не могло считаться серьёзным вооружением. Тогда, учитывая вероятность встречи с вражескими рейдерами, у капитана родилась идея оснастить ледокол хотя бы муляжами оружия для создания психологического эффекта - из брёвен и брезента было сооружено несколько макетов орудий и пулемётов в натуральную величину.

Это «вооружение» ледокола вызывало и комические проблемы. Прибыв 12 апреля 1942 года на рейд Монтевидео (Уругвай), ледокол запросил разрешение войти в порт, но в ответ ему сообщили, что власти не разрешают посещение порта вооружённым судам (к тому же между СССР и Уругваем не было дипломатических отношений). Пришлось вызвать на борт специального представителя, чтобы убедить портовые власти в том, что вооружение судна не настоящее.

Настоящее оружие ледокол получил только в Сиэтле (США). Весь «кругосветный» поход ледокол проделал без вооружения.

*

*

*

Последняя страница дневника 1941 – 1942 года.

И теперь(?) финиш, для меня несколько неожиданный.

Я хорошо помню по прошлому, что наградой за большие дела является сердечная боль. И в самом деле, на что мне награды, если «фокус» удался.

Да, я справился недурно со своей задачей. Мне удалось.

Не потопил судно при плавании на океанских просторах. Этому я не очень удивляюсь. Хотя я часто уподоблялся человеку с завязанными глазами, который должен провезти повозку по скользкой (?) дороге.

Могу Вам (Всем) сказать, что я дрожал и обливался холодным потом.

В конце концов, для моряка непростительным грехом является сорвать дно корабля на рифах, взорваться на минах или быть потопленным подлодкой и самолётами.

И именно для корабля, плавающего под моей командой.

Никто может об этом не знать, но сам не забудешь этих жестоких потрясений.

Если бы что случилось, то удар пришёлся бы в самое сердце.

О бесчисленно многих опасностях я всё время думал, и они мне снились, их я вспоминал и представлял реально настолько, что часто ночью вскакивал в готовности к немедленному действию. И всё же мой славный большой железный кавальеро через все опасности и потери войны добрался до места. Я могу быть довольным! Нет, я грущу по нему.

Комментарии основаны на следующих источниках:

1. Автобиография Сергеева С.М.
2. Мореходная книжка (№030659) Сергеева С.М. (Капитан дальнего плавания – диплом № 0643)
3. Наградные листы Сергеева С.М.
4. Личное дело Сергеева С.М.
5. Андреев И. «Ледокол идёт на прорыв»; «Военные истории»; «Забытые герои»; «С.М. Сергеев, командир ледокола «А. Микоян» (публикации в интернете)
6. Безуглов Э.Г. «По заданию ставки» из книги «Корабли герои», 1976г.
7. Брилёв С. «Забытые союзники во Второй мировой войне», 2012г.
8. Вербова О. «Огненная кругосветка», «Моделист-конструктор», №5, 1990
9. Гройсман А.Д. «Заговорённый крейсер «Микоян». Воспоминания главного боцмана. «Война и мир», № 2(33), май 2010
10. Козлов Н. «Ледокол становится крейсером» (публикация в интернете)
11. Концевий В.В. «Третий лишний», 1986 г.
12. Кузов Н. «Боевая кругосветка» (журнал «Дружба народов», № 2,1984)
13. Кузов Н. «Чудо о пяти кораблях» (публикация в интернете)
14. Лионозовой Т. «Этому времени нужны мои фильмы», «МК», 2009, 6 августа
15. Материалы из Британского архива, любезно предоставленные мне группой С. Брилёва (РТР ТВ)
16. Поморянин «Невероятный кругосветный поход советского ледокола «Анастас Микоян» в годы Великой Отечественной войны»; «Непотопляемый» (публикации в интернете)
17. Рассохватский П. (научный сотрудник Музея морского флота СССР) «Корабли шли без огней» (публикация в интернете)
18. Руднев Г.А. «Огненные рейсы», глава «Ледокол «Анастас Микоян прорывает блокаду», 1990, Владивосток.
19. Гелий Хорьков «Военная кругосветка» из книги «Морские были», 1988 г.